

ОДИССЕЙ

человек в истории

ОДИССЕЙ 2023 №2

История науки

В этом номере:

Создавая автобиографию

Историк и изображения

Образ «Другого»

История как игра метафор

2023 №2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История науки

2023

Москва
ИВИ РАН 2023

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А. Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.), О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук К.Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ
кандидат исторических наук К.С. ХУДИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.
ISSN 1607-6184

2023. №2 (31): История науки / [гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2023. №2 (31). – 469 с.

В очередном выпуске «Одиссея» читатель увидит новые аспекты проблематики традиционных рубрик издания. В статьях подзаголовка «Святой и общество» феномен святости и связанные с ним религиозные практики рассматриваются как один из важнейших источников знаний о ментальности, поведенческих моделях и системе социально-политических представлений общества и отдельных социальных групп, для которых святой становится значимым символом идентичности. «Образ Другого» - тема, поднимающая вопросы коллективной идентичности и особенностей духовной культуры, раскрывается на материале «Штирийской таблицы народов» (XVIII в.).

В этом номере появились и новые рубрики, в которых рассматриваются приёмы конструирования автобиографии интеллектуалом X в. и особенности антикварного метода при составлении «Обозрений земного круга» в раннее Новое время.

Традиционный раздел рецензий представлен обзорами книги о визуальных интерпретациях дантовских образов, а также мультидисциплинарного издания, проливающего свет на ещё не достаточно изученную историю зарождения ботаники в России времени Петра I.

© Коллектив авторов, 2023

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

Оглавление

СОЗДАВАЯ АВТОБИОГРАФИЮ

Антаподосис Лиутпранда, или Как устроиться на службу при саксонском дворе в X веке.....	9
<i>Брахман А.А.</i>	

СВЯТОЙ И ОБЩЕСТВО

«Терпение, с которым надлежит присваивать реликвии»: О некоторых сюжетах в истории культа св. Цезария Арелатского.....	37
<i>Омельченко Д.М.</i>	

«А дача его образы, и книги, и милостынные денги... - а имянно всего не исписать»: объем и динамика денежных вкладов Ивана Грозного в монастыри.....	69
<i>Шокарев С.Ю.</i>	

Гробница святого в пространстве русского храма XVII века.....	134
<i>Мельник А.Г.</i>	

Быт шиитских паломников в Наджафе и Кербеле в XIX в.....	163
<i>Евстратов А.Г.</i>	

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Антихрист в Вифлееме? От Ван дер Вейдена к Босху.....	183
<i>Майзульс М.Р.</i>	

ОБРАЗ «ДРУГОГО»

«Таблица народов» в контексте культурных стереотипов о русских и немцах раннего Нового времени.....	241
<i>Келлер А.В.</i>	

ИСТОРИЯ КАК ИГРА МЕТАФОР

Политическое тело, микрокосм и зодиакальный человек: метафора тела в английском и французском религиозно-философском и политическом дискурсе XIV–XV вв. 267

Бычков П.С.

SCRIPT / ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

«Искусство слова»: Протестанты в официальном дискурсе французской монархии XVII–XVIII вв. 297

Пименова Л.А.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Отражение антикварного метода «ветхого любопытника» Уильяма Кемдена в церковно-славянском переводе «Британии» 319

Болдырева Н.А.

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

«Как жил, кого любил, кому руки не подал»: К вопросу об этических оценках поведения студентов исторического факультета МГУ начала 40-х годов XX века 343

Левинсон К.А.

ПУБЛИКАЦИИ

«Святая земля». Глава из «Атласа, или Космографических размышлений о сотворении мира и форме сотворённого» Меркатора-Хондия 381

Герштейн А.Б.

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

«Божественная Комедия» сквозь призму визуальных образов 403

Луцицкая С.И.

Соцветие наук для изучения исторического гербария 409

Ожунева О.В.

IN MEMORIAM

Памяти Найджела Палмера 419

Ганина Н.А.

Женщина в истории. Памяти Натали Земон Дэвис.....428
Уваров П.Ю.

Памяти Эммануэля Ле Руа Ладюри 446
Яцык С.А.

ОБ АВТОРАХ
ABSTRACTS

Contents

CONSTRICTING AN AUTOBIOGRAPHY

<i>Antapodosis</i> by Liutpraud of Cremona, or How to Get a Job at the Saxon Court in the 10 th Century <i>Brakhman A.A.</i>	9
---	---

THE SAINT AND SOCIETY

«The Patience with which Relics Should Be Appropriated» : About Some Stories in the History of the Cult of St. Caesarius of Arles <i>Omelchenko D.M.</i>	37
«His Donations are Icons, Books, and Money... and Everything Cannot Be Enumerated»: the Volume and Dynamics of Ivan the Terrible's Monetary Donations to Monasteries <i>Shokarev S.Yu.</i>	69
A Tomb of a Saint in the Space of a Russian Temple of the 17 th Century <i>Melnik A.G.</i>	134
Life of Shi'I Pilgrims in Najaf and Karbala in the 19 th Century <i>Evstratov A.G.</i>	163

HISTORIAN AND THE IMAGE

Antichrist in Bethlehem? From van der Veiden to Bosch <i>Maizuls M.R.</i>	183
--	-----

IMAGE OF THE "OTHER"

The Table of Nations in the Context of Cultural Stereotypes about Russians and Germans of the 17th — 19th Centuries

Keller A.V.241

HISTORY AS A PLAY ON METAPHORS

Body Politic, Microcosmos and Zodiac Man: Body Metaphors in English and French Religio-Philosophical and Potilical Discourse of the 14th — 15th Centuries

Bychkov P.S.267

SCRIPT / ORALIA: THE WRITT EN AND THE ORAL TRADITION IN THE EARLY MODERN TIME

«Art of the Word»: Protestants in the Official Discourse of the French Monarchy of the 17th — 18th Centuries

Pimenova L.A.297

HISTORY OF SCIENCE

Reflection of the Antiquarian Method of «Old Curious Person» William Camden in the Church Slavonic Translation of «Britainnia»

Boldyreva N.A.319

HISTORIAN AND TIME

«How Lived, Whom Loved, Whom Didn't Shake a Hand with»: on the Question of Ethical Assessments of Students' Behavior on the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University in the Early 1940es

Levinson K.A.343

PUBLICATIONS

The Chapter «Holy Land» in the <i>Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created</i> by G. Mercator — J. Hondius <i>Gerstein A.B.</i>	381
---	-----

BOOK REVIEWS

The Dante's «Divine Comedy» with the Eyes of Visual Images <i>Luchitskaya S.I.</i>	403
«Florilegium Scientiarum» and the Study of Historical Herbarium <i>Okuneva O.V.</i>	409

IN MEMORIAM

Nigel F. Palmer <i>Ganina.N.A.</i>	419
N. Zemon Davis <i>Uvarov P.Yu.</i>	428
E. Le Roy Ladurie <i>Yatsyk S.A.</i>	446

LIST OF THE AUTHORS

ABSTRACTS

Женщина в истории. Памяти Натали Земон Дэвис

Уваров П. Ю.

DOI 10.32608/1607-6184-2023-31-2-2

С первых лет существования журнала «Одиссей. Человек в истории» Натали Земон Дэвис входила в состав его редакционного совета. И это было правильно. Мало кто лучше нее воплощал в своем творчестве достижения и возможности исторической антропологии, во всяком случае в американской науке. Мало кто столь энергично и действенно способствовал обновлению облика нашей профессии. И, наконец, мало кто с такой симпатией и с таким интересом относился к молодым побегам российской «новой исторической науки», представленной все тем же журналом «Одиссей».

Поэтому, когда в 1993 г. в Принстоне мне довелось по просьбе Арона Яковлевича Гуревича вручить ей свежий выпуск «Одиссея», профессор Дэвис ожидаемо обрадовалась. Но увидав на авантитуле: «*Odisseus. Man in history*», она переменялась в лице. «Какой ужас! Как Арик мог допустить такое? Да, я понимаю, у него беда с глазами. Но вы все куда смотрели?». Осознав, наконец, причину столь неожиданной для меня реакции, я попытался объяснить, что речь идет вовсе не о «мужчине в истории», и что эквивалентом русскому значению этого слова может быть какое-нибудь «*Human being in history*». Но Натали только поморщилась: «Так еще хуже. Надо только «*man and woman in history*» и не иначе!».

Тогда, тридцать лет назад, эта тирада показалась мне необычной. Но как это было важно для нее! Да, ее очень интересовал человек в истории — больше, чем социальные структуры, государства, идеологии и верования, но не абстрактный человек, а сугубо конкретный, будь то женщина или мужчина. Можно ли сказать, что женщины в истории интересовали ее больше, чем мужчины? Нет, конечно. Про мужчин она писала много, интересно и глубоко. Но женщины интересовали ее как-то по-особенному, потому что она

сама была женщиной. И какой! И она никогда не пыталась обеспечивать «гендерную нейтральность» в своих текстах.

Натали Земон Дэвис стала известным историком уже во второй половине 1970-х гг. И при этом первым ее бестселлером стала книга «Возвращение Мартена Герра» (1983). Согласно распространенной версии, Берtrandу де Рольс ввел в заблуждение самозванец, выдававший себя за ее супруга — Мартена Герра, который пропал много лет назад. Будучи разоблаченным, обманщик даже перед казнью продолжал утверждать, что Берtrandа не догадалась о подмене. Это неудивительно для недалекой сельской женщины — в том сходились и юристы XVI столетия, и писатели и историки XIX — XX вв. Но все, кто так пишет, были мужчинами, а вот автору-женщине ясно, что Берtrandа раскрыла обман сразу, но решила принять эту игру. В такой декларации — вся Натали, чей личный опыт вопреки всем профессиональным конвенциям открыто вмешивается в аналитическую работу историка.

В 1950-х гг. она уже вполне уверенно определила предмет своего интереса в истории — реконструкция жизненного опыта простых людей, особенно угнетенных или отодвинутых на обочину социальной жизни: крестьян, ремесленников, рабочих, женщин, представителей религиозных меньшинств, рабов. Они искали трещины и лазейки, выбираясь из-под глыб тяготевших над ними внешних обстоятельств, осмысляя свою жизнь и свое место в мире.

Эта установка со всей очевидностью была заявлена еще в диссертации (PhD), защищенной Натали Земон Дэвис в 1959 г. в Мичиганском университете: «Протестантизм и типографские рабочие Лиона: исследование религии и социального класса»¹. И почти сразу после защиты она начала свое движение в сторону социокультурной истории, а затем к тому, что получит название «культурной истории социального». Это нетрудно проследить хотя бы по названиям статей, публикуемых ею время от времени. Однако первая книга — сборник ее прежних статей — вышла лишь в 1975 г., когда ей уже было 47 лет. Почему же так поздно?

Для ответа понадобится совершить биографический экскурс. Натали родилась в Детройте, в еврейской семье, принадлежавшей

¹ *Davis*. 1959.

к среднему классу. Она училась в хороших школах и добивалась прекрасных успехов, но ей не давали забыть, что она еврейка. Только поступив в один из лучших женских университетов — Смит-колледж, она окунулась в полноценную студенческую жизнь, посещая кружки левого толка. В 1948 г. она познакомилась с Чандлером Дэвисом, подающим надежды аспирантом-математиком, высоким красавцем, поэтом и начинающим писателем-фантастом (он входил в одно литературное объединение с Айзеком Азимовым). Чандлер не скрывал своих коммунистических убеждений, что тоже импонировало Натали. Они с Чандлером прожили вместе почти семьдесят пять лет, и этот брак трудно не назвать счастливым и вместе с тем удивительным. Натали поступила в аспирантуру Мичиганского университета, где уже работал ее муж. Вскоре, в начале 1952 г., она отправилась в командировку во Францию, где окунулась в архивы, навсегда полюбив эту среду. Наметив себе большой фронт работ на будущий год, она вернулась в Мичиган для завершения диссертации. А в декабре 1952 г. к ним в дом нагрянули агенты ФБР и отобрали заграничные паспорта как у людей, связанных с коммунизмом. Эпоха маккартизма сильно ударила по молодой паре. Чандлер Дэвис, вызванный на допрос в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, отказался давать показания, ссылаясь на конституцию США. Оказавшись в подобной ситуации, многие не давали показания, ссылаясь на пятую статью Конституции, позволявшую не свидетельствовать против себя самого. Но Чандлер шел своим путем и сослался на первый пункт, запрещающий покушаться на свободу слова. То есть выбрал не оборону, а наступление, и попал в черный список, лишившись работы. А у семьи уже были дети. Начались годы поисков любого заработка. Работа над диссертацией застопорилась, о поездке во Францию пришлось забыть. Но Натали в то трудное время находила время обследовать фонды старопечатных книг крупнейших библиотек США. Изучение книжности, продукции лионских печатников, языка ренессансной Франции дало ей уникальный опыт книговеда. «Спасибо ФБР за книги!» — будет шутить она много лет спустя. В 1959 г. она все-таки защитит диссертацию в Мичиганском университете, не имея научного руководителя. Это было необычно для США, но что в карьере Натали было обычным? Чандлера тем временем обвинили в неуважении к суду, он подавал бесконечные апелляции, которые в итоге были отклонены Верховным судом, и в 1960 г. его приговорили к шести месяцам тюрьмы. Не была ли статья Натали, посвященная матема-

тике в деловой жизни XVI в. и опубликованная в 1960 г., вольным или невольным жестом поддержки своего героического супруга?² Выйдя на свободу, Чандлер фактически получил «волчий билет», несмотря на уже устоявшуюся репутацию первоклассного математика. В 1962 г. его пригласил канадский университет Торонто, где он и проработал всю жизнь, какие бы лестные перспективы ему ни сулили в других местах. Десятилетние мытарства, когда Натали приходилось печатать на машинке, держа очередного ребенка на коленях, многому ее научили. Научили они ее и лучше понимать людей прошлого, оказавшихся в трудной ситуации. Перебравшись с детьми в Торонто, Натали продолжала искать работу по контрактам. Наконец, она начала регулярное преподавание в университете, организовав курс по «женской истории», который получил широкий отклик за пределами Торонто. В 1971 г. ей предложили место штатного профессора в калифорнийском Беркли. К счастью для исторической науки Натали не отказалась, и Чандлер ее поддерживал в этом решении. Двух дочерей она взяла с собой в Калифорнию, сын остался с отцом. Дэвисы ездили через полконтинента в гости друг к другу, курсируя между тихоокеанским побережьем и озером Онтарио, пока в 1978 г. Натали не получила кафедру на Восточном побережье, в Принстоне, немного ближе к Торонто. В Беркли Натали продолжила оттачивать курс по истории женщин, публикуя статьи по истории ренессансной Франции. Еще в Торонто она подготовила исследование, вышедшее в английском влиятельном левом журнале, где она, одной из первых на Западе, обратилась к М. М. Бахтину для анализа карнавальных ритуалов, прежде всего практики шаривари³. Так она начала завоевывать признание европейских коллег. Другая работа — о ритуалах насилия в религиозных войнах⁴ — считается классической. Наконец, выходит ее первая книга, в которой под одной обложкой были собраны лучшие ее работы⁵. Через два года книгу переведут французы. К сожалению, Натали больше не прибегала к этой форме реутилизации своих статей, поэтому за многими из них приходится охотиться в старых журналах. А статьи был ее любимый жанр — в небольшом объеме, ярко и доступно⁶ она ставила проблему и показывала пути ее ре-

² *Davis. 1960.*

³ *Davis. 1971.*

⁴ *Davis. 1973.*

⁵ *Davis. 1975.*

⁶ Сказывалась школа Чандлера Дэвиса — он был первым читателем или слу-

шения. Из восьми «эссе», образующих эту книгу, возможно, самым важным для нее была «Женщина наверху» (*Woman on Top*). Натали уже становилась классиком «женской истории» — вскоре вышла ее программная статья в «Феминистских исследованиях», молодом журнале, чье название сегодня нами воспринимается, мягко говоря, неоднозначно, но полвека назад казалось неслыханной дерзостью⁷. Ее исследовательское внимание к гендеру было очевидно уже в самых ранних текстах, но она становится сторонницей более широкого научного проекта женской истории, достаточно назвать масштабную работу в соавторстве с Джилл Кер Конвей, ее коллегой, ставшей первой в истории женщиной-президентом Смит-колледжа⁸. И затем на всех крупных научных форумах Натали стремилась организовать небольшое отдельное заседание — то круглый стол, то семинар, то чаепитие, посвященное проблемам женщин, которые выбрали историю своей профессией. А как ее 1989 г. поразило обилие ученых дам в нашем Институте! «Как Вы этого добились»? — спрашивала она у Е.В. Гутновой, а та только загадочно улыбалась в ответ. Но будучи одной из основательниц «женского движения» и «гендерной истории», Натали не считала себя представителем именно такого направления. Да и стилистически она была иной, более склонной к компромиссам при всей жесткости своих левых убеждений⁹, что, кстати, и сделает ее в дальнейшем оптимальной фигурой для руководства крупными сообществами (например, Американским обществом исследователей Франции или Американской исторической ассоциацией)

Именно этому свойству мы обязаны появлением ее «Мартена Герра». Изначально речь шла о фильме, в научные консультанты которого был приглашен Альфред Зоман — прекрасный знаток истории права. Но он знал, что в XVI в. свидетели защиты и обвинения не могли встретиться и спорить между собой во время одного

шателем ее работ, настаивая на том, чтобы текст был увлекателен и понятен непрофессионалу.

⁷ *Davis*. 1976.

⁸ *Davis, Conway*. 1981.

⁹ В Университете Торонто, который обошли стороной студенческие бунты 1968 — 1969 гг., в 1970 г. была устроена крупнейшая сидячая забастовка из-за решения университетских властей снести здание, приспособленное под кооперативный детский садик для детей аспирантов и молодых преподавателей. Посредником между решительными мамами и непреклонным руководством выступила Натали Земон Дэвис, и ей удалось примирить стороны.

судебного заседания — это не допускалось судебной практикой того времени. А режиссер Даниэль Винь сделал именно эту сцену кульминацией фильма. Зоман отказался, и тогда обратились к Натали. Она вошла в состав сценарной группы и согласилась на компромисс, оставив без изменения спорную сцену. Возможно, она была впечатлена игрой молодого и в ту пору стройного Депардье, или же пейзажами Юга Франции, где проходили съемки. Но вероятнее иное — она поняла, что, отступив от буквы исторической истины, она лучше решит главную задачу оживить историю и людей того времени для современной публики, ведь у кино свой особый язык, отличный от языка историков. Фильм «Возвращение Мартена Герра» вышел в 1982 г., его ждал зрительский успех и престижная кинопремия, а Натали быстро, на одном дыхании, написала одноименную книгу, вышедшую в следующем году¹⁰. И с тех пор исторический кинематограф надолго войдет в круг ее интересов. Отныне она регулярно будет издавать книги, к счастью, не изменяя при этом своему любимому жанру филигранно выполненных статей.

Следующая работа и следующий ее успех — книга с трудно переводимым названием «Вымысел в архивах: прощения о помилованиях и их авторы во Франции XVI века».¹¹ Исследование основывалось на письмах, в которых приговоренные к смерти молили короля о прощении. Используя литературоведческие методы, посредством анализа риторических приемов Натали выявляла в формулярных текстах правовые стратегии, культурные установки и ожидания, исследуя при этом социальный контекст, в котором рождались такие письма. Помимо прочего, эта книга внесла свой вклад в так называемый «архивный поворот», рассматривающий производство и сохранение знаний как инструмент власти государства. Но, разумеется, рассказ о прощениях, составленных женщинами, по праву занимает особое место в ее исследовании. И именно эта линия влекла ее дальше.

Натали не бросила писать свои статьи о французской истории и, главное, о французских историках. Но национальные рамки стали ей тесноваты, и действие ее следующей большой книги «Да-

¹⁰ *Davis. The Return of Martin Guerre. Cambridge (Mass.), 1983.* Русский перевод: Дэвис. 1990.

¹¹ *Davis. 1987.*

мы на обочине»¹² разворачивается сразу на трех континентах. В «Прологе» три дамы XVII в. не первой молодости и трех разных вероисповеданий, оказываются в кабинете автора, с явным неодобрением и без всякой симпатии друг к другу, спрашивая у нее, по какой причине они сведены здесь вместе такие разные — католичка, еврейка и сторонница сектантов-пиетистов? Натали пытается оправдать свой замысел, объясняя им, что каждая из них, глубоко погруженная в быт и нравы собственной эпохи, сумела выразить себя так, чтобы, не порывая с требованиями среды, оказаться не такими как все и занять место на обочине общепринятого жизненного тракта. Повествуя каждая на свой лад о поисках Бога, они много, очень много интересного сообщают нам о себе и о своей эпохе. Мари Гияр, овдовев, уходит в монастырь урсулинок. Взяв в монашестве имя Мари д'Энкарнасьон и бросив малолетнего сына, она отправляется в Квебек воспитывать маленьких индианок. Она оказалась хорошим лингвистом: составила словари алгонкинского (гуронского) и ирокезского языков, а также ирокезский катехизис. Главное же — сохранились ее письма сыну, оставшемуся во Франции и тоже избравшему духовную карьеру. Гликль бас Иуда Лейб, вдова гамбургского купца-еврея, мать многочисленных детей, после смерти мужа взяла распатанные дела в свои руки. Такое часто бывало с еврейскими женами, особенно если муж — шлимазл. Но мало кто при этом писал мемуары и сумел донести до читателей удивительный рассказ о себе, сочетавший силу ума и характера с глубокой набожностью. Мария Сибилла Мериан — художница-энтомолог, пораженная красотой Божьего замысла, раскрывающегося через мир цветов и насекомых, через метаморфозы бабочек, выступает как вполне расчетливый продавец своих произведений. Она оставляет мужа, уходит в секту пиетистов, точнее, абадистов, с дочерью отправляется на Суринам, чтобы работать не по гербариям и энтомологическим коллекциям, а с натуры. При всей своей экстравагантности она была довольно скрытным человеком, поэтому Натали пытается понять ее внутренний мир, чувства и мотивации скорее через рисунки, чем через письма, которых, впрочем, сохранилось немало. Три удивительные женщины действуют вне привычных жизненных гендерных сценариев, но если они и оказываются на обочине, то все не потому, что их туда вытеснили представители сильного пола. Будучи самодостаточными, героини выбирают свою позицию лишь

¹² Davis. 1995. Русский перевод: Дэвис. 1999.

в силу внутренних интенций. Эта констатация была необычной для уже окрепшей тогда феминистской литературы.

Натали Земон Дэвис и сама часто оказывалась если не «на обочине», то вне наезженной колеи. Например, когда в 1989 г. у нас проводили знаменитую конференцию, посвященную 60-летию школы «Анналов», она, оказавшись в Москве по иному поводу, охотно приняла участие в этом форуме. Она любила «Анналы», и они также считали ее «своей». Но вместо гимна исторической антропологии или рассказа о XVI в. она сделала доклад о судьбе Марка Блока во время оккупации. Каково ему, еврею, было видеть, как его имя исчезло с титульного листа и вообще со страниц любимого детища — «Анналов»? Это прозвучало диссонансом в общем хоре лаудаций, хотя и заставило задуматься. В другой статье Натали, продолжая тему «Анналов», так же неожиданно ставит вопрос о том, сколь многое в успехе довоенных «Анналов» зависело от женщин: жен отцов-основателей, сотрудниц редакции, тех, кто выступали авторами и переводчицами, но чья роль оставалась маргинальной¹³.

Натали была хорошей, рачительной хозяйкой, она ничего не бросала из начатого¹⁴, у нее ничего не пропадало зря. Увлечение в молодости марксистскими и леворадикальными идеями, занятия историей экономики, давнее знакомство с миром книг эпохи Ренессанса и с французскими гуманистами — всё это привело ее к изящной монографии, посвященной институту дара во Франции XVI столетия¹⁵. Мне эта работа очень близка, неожиданно я обнаружил в ней моих старых знакомых: адвоката Шарля Дюмулена и его неблагодарного брата, бретонского судью Жиля Бекделиевра, обвиненного во взятках, нормандского сельского дворянина сира Губервиля, привыкшего каждый вечер записывать все, что произошло за день, тщательно ведя счет сделанным дарам и полученным подаркам, ну и, разумеется, Франсуа Рабле, фигурирующего во многих ракурсах. Очень важные вопросы поднимает Натали: как уживался книжный рынок с осмыслением книги как дара, и какова была функция посвящения — символического дарения текста? Как

¹³ *Davis. 1992.*

¹⁴ Она продолжала работать и над историей женщин времен Ренессанса: *A History of Women in the West. 1993*, и над историей женщин в науке: *Gender in the Academy. 1990*, и над историей самозванцев: *Davis. 1997.*

¹⁵ *Davis. 2000.*

осмыслялась грань, которая отделяла дар от взятки? Насколько принудителен был дар, требующий ответной благодарности? Что стояло за щедростью короля, награждавшего должностью (за которую, впрочем, требовалось внести изрядную сумму)? При явной методологической опоре на Марселя Мосса и Карло Поланьи, книга совсем не походила на историко-социологическое исследование, располагаясь стилистически ближе к «Опытам» Монтеня — своеобразные размышления над миром, основанном на обмене дарами, над миром за пределами капитализма, точнее, на его обочине.

В любом случае, тема дара была чрезвычайно близка Натали, которая в этом ключе выстраивала свою жизнь. Мы все или почти все способны на широкий жест, на щедрый дар, но мало кому удается придавать этим порывам души регулярный характер. А Натали удавалось. Выйдя на пенсию и уже окончательно вернувшись в Торонто в 1996 г., она мчалась в кампус на велосипеде к 8 часам утра, чтобы вести неформальный семинар по палеографии для сонных аспирантов. И так из года в год. Если она бралась кому-то помочь, а помогала она очень многим, то дело не ограничивалось брошенным спасательным кругом в виде доброго совета или рекомендации. Нет, она и потом продолжала опекать своего протеже, коль скоро «мы в ответе за тех, кого приручили».

Еще в Принстоне, вдохновленная опытом «Возвращения Мартена Герра», Натали разработала курс по историческому кинематографу. Она рассматривала фильмы как лабораторию восприятия истории, средство, с помощью которого можно предложить современной аудитории, незнакомой с историей, возможность сопереживания, понимания субъективного опыта исторических персонажей и выявления для себя значимого исторического опыта. Ее следующая книга была посвящена тому, как кинематограф изображал рабов, начиная от Спартака и до американских невольников XIX в.¹⁶ Тема угнетенных вообще, угнетаемых женщин, в частности, всегда была близка Натали, но было в ее любви к кино нечто большее, чем эмпатия. Ведь американское *movie* происходит от *moving picture* — «движущиеся картинки», а Натали сама всегда была в движении. Носилась по этажам своего дома, гоняла на велосипеде по кампусам между лекциями и заседаниями всевозможных комиссий, летала на конференции по всем континентам, посещала разъехавшихся

¹⁶ Davis. 2002.

по свету детей и внуков.

Мало кому так подходила поговорка «движение — это жизнь». Они с Чандлером постоянно играли в большой теннис, а когда уже сильно на восьмом десятке это стало им сложно, перешли на теннис настольный.

И в своем творчестве она продолжала странствия по континентам, обратившись на этот раз к Африке. «Путешествия трикстера»¹⁷ — рассказ о Хасане аль-Ваззани, ученом юристе и дипломате, который по поручению султана Марокко разъезжал по Магрибу, Сахелю и Леванту, пока не попал в плен к христианским пиратам, и в качестве раба не был подарен папе Льву X. Понтифик и его кардиналы добились перехода невольника в христианство, и папа крестил его в соборе Святого Петра, дав ему имя Иоанн-Лев. Попад в мир папской курии и ученых-гуманистов, Лев освоил итальянский и написал ряд трактатов, самым главным из которых стала книга «Об описании Африки и о примечательных вещах, которые там имеются». Вскоре после разграбления Рима в 1527 г. он вернулся в Африку, и, по слухам, доживал свой век в Тунисе. Неудивительно, что этот персонаж заинтересовал Натали. Ведь перед ней был человек, испытавший неволю, вынужденный сменить религию, а затем вернувшийся к вере предков, человек, не раз пересекавший границы исламского мира еще в Африке, забираясь южнее легендарного Тимбукту, а затем оказавшийся в новом для себя мире христианства, человек книжной культуры, работавший с рукописями и как переводчик, и как компилятор, и как автор оригинального текста, выступавший посредником между разными культурами, приспособившаяся к новому кругу общения, новому языку и культуре. Как заправский трикстер, Лев — новообращенный христианин, публично отрекшийся от веры отцов и писавший по заданию кардиналов, которые готовили «священную войну» с неверными, в своей рукописи, как показала Натали, очень умело избегает прямых оскорблений Пророка и Ислама: их добавляют в печатные издания уже после того, как автор покинет Италию. Не удивительно, что Натали в этой работе много пишет о евреях, ведь многие правоверные иудеи, выкресты, самозванцы, выдающие себя за посланников неведомых государей, были информаторами, собеседниками, а иногда и соавторами Льва Африканского (Йухана аль-Асада, как автор именует

¹⁷ Davis. 2006. Русский перевод: Дэвис. 2023.

его на арабский манер). Много Натали пишет и о женщинах, о которых в жизни ее героя ничего не известно, но разве такое может ее остановить? Возможно ли, чтобы состоятельный правовед (факих) из приличной семьи выходцев из Аль-Андалуса, завершивший свое образование в прославленных школах аль-Карауин в Фесе, пребывавший в расцвете сил и здоровья, не имел семьи? Маловероятно. И тогда всё, что мы знаем о семейной жизни марокканского состоятельного горожанина, может экстраполироваться на нашего героя. В своих описаниях земель герой демонстрирует цепкий глаз, оценивая красоты или недостатки африканок, рассказывая об их занятиях. Заводил ли он во время странствий знакомства и не заключал ли мут — временный брак? В римской переписи населения в январе 1527 г. в квартале близ Тибра указан некий «Ю. Лео», глава домохозяйства из 3 человек. Скорее всего, рассуждает Натали, это именно тот самый Иоанн-Лев, крестник покойного папы. Скорее всего, среди обозначенных трех жителей дома была женщина, супруга или конкубина домовладельца. Вряд ли девушку из состоятельной и знатной семьи отдали бы за «мавра». Вероятно, это была дочь или вдова кого-нибудь из «новых христиан». Может быть, в число домочадцев входили и дети? И хотя доподлинно нам по-прежнему ничего не известно, мы уже начинаем волноваться за эту семью: как им удалось пережить страшное разграбление Рима ландскнехтами в мае 1527 г.? Удалось ли им всем бежать в Африку? С ними ли Йухана аль-Асад, вернее уже снова Хасан аль-Ваззан осел в Тунисе, или завел там новую семью? Натали может себе позволить правдоподобно реконструировать реальность, с ее-то опытом, и хотя она честно предупреждает, что мы имеем дело лишь с предположением, перед наши взором открывается соответствующая картинка, и мы начинаем сопереживать увиденному.

Книга имела успех. Известный французский актер марокканского происхождения Жамель Деббуз¹⁸ задумал в 2015 г. сыграть Льва Африканского, но затем был отвлечен участием в политической жизни Франции. Зато Важди Мувад, ливанско-канадский театральный режиссер, вдохновившись, по собственному признанию, примером Льва Африканского, поставил пьесу о судьбе арабско-еврейской влюбленной пары, перенеся ее в современность. Но в консультанты он пригласил Натали Земон Дэвис. И не прогадал — па-

¹⁸Русский зритель познакомился с этим обаятельным сухоруким артистом в фильмах «Амели» и «Астерикс и Обеликс: Миссия «Клеопатра».

рижская постановка в 2018 г. получила высшую театральную награду. Но меня поразило другое. Когда «Трикстер» вышел в свет, Натали исполнилось 78 лет. Начала она вплотную работать над сюжетом, когда ей уже было за семьдесят. Она могла опереться на свой опыт работы с рукописями и печатными книгами XVI в., и использовала его в полной мере, проведя скрупулезный текстологический анализ, сравнивая рукопись с печатными изданиями. Знаком ей был и мир гуманистов XVI в. (отсюда и попытка сблизить в «Эпилоге» Льва Африканского с ее любимым Франсуа Рабле). Но все остальное ей пришлось осваивать чуть ли не с нуля, а это огромный материал! Помимо перипетий политической истории Средиземноморья в духе Броделя, это еще и мир арабских географов и историков с их специфическими традициями повествования, море трактатов о правилах арабского стихосложения, гора литературы о переводах и о восточных переводчиках в век составления Библий-полиглотт. А ведь в каждой из этих областей знания есть свои традиции, свой табель о рангах, свои строгие требования. Натали врывалась в эти узкоспециализированные миры, смело пересекая их границы, но отнюдь не как дилетант. К ней были претензии¹⁹, но спор велся на равных.

Предметом ее особого интереса стал не просто язык, а та его разговорная разновидность, на которой Лев Африканский писал (или, скорее, диктовал) свои труды: из-за него итальянские гуманисты не считали автора «своим» и не замечали его присутствия, но это был сочный, живой язык, на котором говорили люди XVI в. Его французский аналог не переставал поражать Натали в творчестве Рабле. Этот язык был креативен и выразителен, но как он отличался от норм, заданных ревнителями «Плеяды» и уж, конечно, классиками следующего столетия!

Нить размышлений о народных языках и о диалектах вела Натали к следующей ее книге: «Слушая языки народа: Лазар Сэнэан о румынском, идише и французском»²⁰. И вновь она смело нарушает границы нового для себя края — дунайских княжеств, только что объединившихся в новое государство — Румынию, и новых для

¹⁹ В российском издании «Трикстера» научный редактор, арабист А. А. Куделин, время от времени в примечаниях указывает на неточности автора, делая это, впрочем, весьма тактично.

²⁰ Davis. 2022.

нее дисциплин — фольклористики и языкознания. А ведь профессиональные требования лингвистов еще более строги, чем у востоковедов! Как и Хасан аль-Ваззан, ее новый герой имеет много вариантов написания своего имени: Элизер Шейн, Лазарь Шэйняну, Лазар Сэнэан. Выходец из бедной еврейской семьи города Плоешти, он сумел закончить университет Бухареста, а затем и Парижа и, став филологом, получить известность как специалист по румынской литературе, фольклору и языкознанию. Но одновременно он был и знатоком еврейской культуры, выступал за ассимиляцию евреев в румынском обществе.

Искреннее восхищаясь румынской культурой, он румынизировал свою фамилию. Большой успех имел его всеобъемлющий обзор румынских народных сказок (1895), выполненный в компаративном ключе и вместе с тем доступный для широкой публики и удобный как справочное пособие. Другой его труд — универсальный словарь румынского языка (1896 г.) — выдержал не менее 10 изданий. Отличительная черта творчества Шэйняну заключалась в том, что он в доступной форме давал современникам представление о сложном и полном заимствований пути формирования языка. Это выгодно отличало его от показной эрудиции его румынских современников, но вызывало зависть в академической среде.

Согласно румынской конституции, евреям не предоставлялось полноценного гражданства, за исключением тех, кто имел большие заслуги перед страной. Несмотря на популярность его трудов в Румынии и за рубежом, несмотря даже на переход в православие, Шэйняну не сочли достойным гражданства. После этого лингвист с семьей переезжает в Париж, отказываясь от румынской фамилии. Здесь он обращается к истории арго, опубликовав в 1907 г. работу «Старое арго (1488 - 1850) в связи с тайными языками Южной Европы и с современным арго». Эта книга вызвала восхищение молодого Люсьена Февра. Еще большее признание принесла Сэнэану работа над трудами Франсуа Рабле — он показал ту самую стихию народного языка, народного творчества, о которой задумается вскоре М. М. Бахтин. Когда началась Первая мировая война, Сэнэан лихорадочно изучал прямо на глазах рождавшееся особое «окопное арго» (примерно такой же был ход мыслей и у Марка Блока, обратившего внимание на рождение слухов в этой военной среде). Учитель Сэнэана, Гастон Пари, называл эти занятия «недостойны-

ми настоящего филолога», но они вполне соответствовали общему настрою работ бывшего румына. Если академическое языковедение того времени искало аналогии с геологией, настаивая на эволюционном формировании языка, видя свою задачу в неспешном отделении одного «геологического» слоя от другого, то для Сэнзана важны были не только и не столько уходящие в седую древность формы, но креативность отдельных носителей языка, а также постоянные лингвистические заимствования из соседних диалектов и говоров, причем не обязательно принадлежащих к одной языковой группе. Он вообще выступал «певцом диалектов», подчеркивая, что диалектам и разговорным языкам может быть присвоено такое же значение, как и формальным литературным языкам. Он успешно отстаивал право считать идиш самостоятельным литературным языком.

Меньше всего эта работа Натали Земон Дэвис походит на мартиролог или агиографию: автор спорит с некоторыми из утверждений своего героя и отнюдь не склонна идеализировать все его поступки. Критики указывали на то, что в ее маленькой книжке 100 страниц посвящено румынскому периоду биографии героя и только 30 страниц — французскому²¹. Но это неудивительно, ведь французские работы Сэнзана были давно и хорошо ей знакомы, она — при ее любви к Рабле и народной культуре французского Ренессанса — вела с ними диалог многие десятилетия, а вот предыдущий период жизни и деятельности лингвиста ей пришлось осваивать заново. Она осознавала эту диспропорцию. Но самый первый и самый постоянный из ее читателей — Чандлер Дэвис — рекомендовал ей оставить всё как есть. К сожалению, это было последнее его суждение, через несколько дней он скончался.

Натали пережила его на год.

Удивительно, сколь многое она успела. И все же один из проектов ей завершить не удалось. Последние четверть века своей жизни она работала над историей рабства на Суринаме в XVIII в., летая то в Амстердам, то в Парамарибо. Натали опубликовала ряд статей, из которых мы можем понять ход ее мыслей. Она писала о правосудии на Суринаме, о телесных наказаниях, которым подвергались рабы, причем не скрывала ужасающих натуралистических подробностей.

²¹ *Drace-Francis. 2023.*

Ее интересовали переселившиеся сюда еврейские семьи, владевшие плантациями сахарного тростника. Здесь была построена первая на континенте синагога и сосуществовали три общины — сефардов, ашкеназов и, неофициальная, мулатов, родившихся от евреев и рабынь-африканок. По свидетельству одного из учеников Натали Земон Дэвис, начиная исследования, она с грустным недоумением говорила о болезненном вопросе, который отчасти послужил мотивом ее расследования: как так получилось, что евреи, для которых история освобождения израильтян от рабства в Египте играла столь важную роль в самоопределении их сообщества, могли владеть рабами в голландском Суринаме? Готовящаяся книга должна была называться «Braided Histories» — «плетеные истории». Но это же название с конца 1990-х гг. Натали хотела дать и другим своим проектам — и рассказу о Льве Африканском, и исследованию творчества Рабле²².

Метафора плетения стоит того, чтобы на ней остановиться. Натали протестовала против того, чтобы исторические исследования замыкались в рамках нации или цивилизации, ее история — подчеркнуто транскультурная. Но эту же задачу ставят перед собой многие направления, со сходными самоназваниями: «перекрестная история» (*histoire croisée*), «взаимосвязанная история» (*connected history*), «история пограничий» (*borderland history*) и, наконец, «переплетенная история» (*entangled history*). Последнее вроде бы близко к тому, о чем говорила Натали, но не совсем. «Entangled» имеет также значение «перепутанная», «запутанная» — сразу вспоминаются наушники от телефона, которые, вынув из кармана, обычно приходится распутывать перед употреблением. У Натали речь идет, похоже, о вполне продуманном переплетении. Возможно, она видела в детстве, как в Детройте еврейские женщины к празднику готовили ритуальную халу (в советских булочных это изделие стыдливо пытались переименовать в «плетенку»), где каждая косичка из сдобного теста символизировала что-то специальное. Или же Натали вспоминала, как заплетала косы своим дочерям, если, конечно, такое было принято в заокеанских школах. Вернее же, что перед ней, писавшей об африканских невольницах, вставал образ афрокосы с ленточками и прочими «фенечками». Что может быть символичнее этой укладки волос? Первая французенка — палео-

²² *Davis, Hampton.1996.*

литическая «Брасемпуйская Венера» — дошла до нас с убором из косичек или дредов. Женщины не только украшаются косичками, они постоянно еще плетут что-то. Мойра Клото ткёт нить судьбы из всего, что попадёт ей в руки, а ее сестра Лахесис, не глядя, перекрещивает нити судеб разных людей между собой. Но ведь и макромолекула ДНК, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития организма, также представляет собой хитрую конструкцию из двух закрученных косичек.

Как бы то ни было, в том, что делала Натали Земон Дэвис, всё оказывалось искусно сплетенным — и Рабле с лингвистом Сэнэаном, и дары с книгами, и евреи с невольниками, и трикстеры с самозванцами. В этом прихотливом узоре можно, например, разглядеть и российскую прядь. Увлечение Бахтиным, уважение к Эйзенштейну (с «Александра Невского» Натали обычно начинала свой курс по историческому кинематографу), знание Чандлером Дэвисом русского языка, который, по его словам, должен был знать каждый серьезный математик²³. Первым математиком, осилившим русский, был Леонард Эйлер, без которого Российская академия наук была бы совсем иной. А женат Эйлер был на Катарине Гзелль, дочери придворного художника Георга Гзелля. Этот живописец приехал в Петербург по приглашению Петра I с супругой Доротеей, тоже художницей. Среди прочего Георг Гзелль написал портрет петровского гайдука-великана Николя Буржуа, чей скелет до сих пор стоит в Кунсткамере. Доротея же преподавала рисунок в Академии наук и была куратором коллекции естественной истории все в той же Кунсткамере. Что было справедливо, коль скоро в эту коллекцию входили и ее собственные работы, и работы ее матери Марии Сибиллы Мериан (той самой!), которые они вместе привезли из Суринама (того самого!), и которую за три тысячи гульденов купил посетивший Амстердам царь Пётр.

Неплохо, однако, переплела эту нить мойра по имени Лахесис, а ведь она работала вслепую. Но с пользой для нашей страны.

Попробую в этой связи закончить словами Натали Земон Дэ-

²³По словам Чандлера, русский язык нужен был ему еще и для того, чтобы как математик с математиком поговорить с академиком Шафаревичем насчет «малого народа».

вис, взятыми из некролога в «Нью-Йорк Таймс»:

«Какой бы мрачной и тяжелой ни была ситуация, всегда есть место для импровизации, преодолевающей трудности. Что бы ни случилось, люди продолжают рассказывать истории об этом и заведывают их будущему». И добавила: «Прошлое напоминает нам, что перемены могут произойти»²⁴.

ЛИТЕРАТУРА

Дэвис Н. З. *Возвращение Мартена Гера* / Пер. с англ. А. Л. Величанского, послесловие М. А. Барга. М., 1990.

Дэвис Н. З. *Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века* / Пер. с англ. Т. Доброницкой. М., 1999.

Дэвис Н. З. *Путешествия трикстера: Мусульманин XVI века между мирами* / Пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2023.

A History of Women in the West. Vol. 3: Renaissance and Enlightenment Paradoxes / Eds. by N. Z. Davis, A. Farge. Cambridge (Mass.), 1993.

Davis N. A. Z. *Protestantism and the Printing Workers of Lyon: A Study in Religion and Social Class*. Ph.D. Dissertation, University of Michigan, 1959.

Davis N. Z. «Women's History" in Transition": the European Case // *Feminist Studies*. 1976. Vol. 3. N 3. P. 83 — 103.

Davis N. Z. *Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford, 1987.

Davis N. Z. *Listening to the Languages of the People: Lazare Sainéan on Romanian, Yiddish, and French*. Budapest, 2022.

Davis N. Z. *Remaking Impostors: From Martin Guerre to Sommersby*. Egham (Surrey, UK), 1997.

Davis N. Z. *Sixteenth-Century French Arithmetics on the Business Life* // *Journal of the History of Ideas*. 1960. Vol. 21. N 1. P. 18 — 48.

Davis N. Z. *Slaves on Screen: Film and Historical Vision*. Cambridge (Mass.), 2002.

Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France: Eight Essays*. Stanford, 1975.

Davis N. Z. *The Gift in Sixteenth-Century France*. Oxford, 2000.

Davis N. Z. *The Reasons of Misrule: Youth Groups and Charivaris in Sixteenth-Century France* // *Past & Present*. 1971. Vol. 50. P. 41 — 75.

Davis N. Z. *The Return of Martin Guerre*. Cambridge (Mass.), 1983.

Davis N. Z. *The Rites of Violence: Religious Riot in Sixteenth-Century France* // *Past & Present*. 1973. Vol. 59. P. 51 — 91.

Davis N. Z. *Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim Between Worlds*. N.Y., 2006.

²⁴ «No matter how bleak and constrained the situation,» she said, «some forms of improvisation and coping take place. No matter what happens, people go on telling stories about it and bequeath them to the future». She added, «The past reminds us that change can occur» (Dixler. 2023).

Davis N. Z. Women and the World of the »Annales» // History Workshop. 1992. P. 121 — 137.

Davis N. Z. Women on the Margins: Three Seventeenth-Century Lives. Cambridge (Mass.), 1995.

Davis N. Z., Conway J. K. Society and the Sexes: A Bibliography of Women's History in Early Modern Europe, Colonial America, and the United States. N.Y., 1981.

Davis N. Z., Hampton T. Rabelais and His Critics. Berkley, 1996.

Dixler E. Natalie Zemon Davis, Historian of the Marginalized, Dies at 94 // New York Times. 2023. Oktober 24. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/23/books/natalie-zemon-davis-dead.html> (дата доступа: 22 декабря 2023).

Drace-Francis A. [Rec. ad op.:] Davis N. Z. Listening to the Languages of the People // Reviews in history: Covering books and digital resources across all fields of history. 2023. April [Электронный ресурс] URL: <https://reviews.history.ac.uk/review/2472> (дата доступа: 22 декабря 2023).

Gender in the Academy: Women and Learning from Plato to Princeton: An Exhibition Celebrating the 20th Anniversary of Undergraduate Coeducation at Princeton University / Organized by N. Z. Davis et al. Princeton (N. J.), 1990.

ОБ АВТОРАХ

Брахман Анастасия Александровна — PhD., специалист по раннесредневековой политической истории, политической коммуникации Оттоновского времени.

Омельченко Дарья Михайловна — к.и.н., научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера интересов: поздняя Античность, история христианства, Южная Галлия.

Шокарев Сергей Юрьевич — к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС, специалист по истории России Нового времени.

Мельник Александр Гаврилович — д.и.н., зав. Архитектурным отделом ГМЗ «Ростовский кремль», специалист по древнерусской истории и культам святых.

Евстратов Антон Геннадьевич — к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско — Армянского университета (Ереван, Армения), специалист по религиозным, идеологическим и политическим процессам на Ближнем Востоке, автор учебного пособия по политическому исламу, журналист - международник.

Майзульс Михаил Романович — к.и.н., старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ.

Келлер Андрей Викторович — д.и.н., PhD., с.н.с. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, специалист по Новой и Новейшей истории, истории педагогики.

Бычков Павел Сергеевич — м.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по

культуре Франции, Англии и Нидерландов XIV — XVI вв.

Пименова Людмила Александровна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сфера научных интересов: история Франции раннего Нового времени.

Болдырева Наталья Андреевна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по английскому антикварному знанию XVI — начала XVII вв., англо-русским культурным связям XVI — XVII вв.

Левинсон Кирилл Алексеевич — к.и.н., PhD. Сфера научных интересов: социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Герштейн Анна Борисовна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Луцицкая Светлана Игоревна — д.и.н., в.н.с., зав. Центра исторической антропологии ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов и христианских представлений об исламе.

Окунева Ольга Владимировна — к.и.н., PhD., специалист по истории Франции Нового времени, французским колониям в Южной Америке.

Ганина Наталия Александровна — д.филол.н., профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по истории немецкого языка, истории и культуре древних германцев, средневековой латинской и немецкой палеографии.

Уваров Павел Юрьевич — член-корр. РАН, д.и.н., зав. Отделом западноевропейского Средневековья ИВИ РАН, специалист в области западноевропейской истории Средних веков и раннего Нового времени, истории Франции, истории университетов, социальной истории Европы.

Яцык Светлана Александровна — к.и.н., научный сотрудник Центра истории, археологии и литературы христианских и мусульманских миров средневековья (CINAM) Национального центра научных исследований (CNRS), главный редактор журнала «*Vox medii aevi*», специалист в области интеллектуальной истории францисканского ордена, истории проповедей и автоматической транскрипции рукописей.

ABSTRACTS

A.A. Brahman

ANTAPODOSIS BY LIUTPRAND OF CREMONA, OR HOW TO GET A JOB AT THE SAXON COURT IN THE 10TH CENTURY

The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recre-

ating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job».

Keywords: Liutprand of Cremona, medieval historiography, self-representation, Xth century, intellectuals at the court

D.M. Omelchenko

«THE PATIENCE WITH WHICH RELICS SHOULD BE APPROPRIATED»: ABOUT SOME STORIES IN THE HISTORY OF THE CULT OF ST. CAESARIUS OF ARLES

This article systematises the evidence from various sources on the cult of St Cesarius, bishop of Arles (502-543). During the late Antiquity he was one of the main figures in the Church of Southern Gaul. Cesarius' cult had the potential to extend beyond Provence: the bishop was known as a wonder-worker not only in Arles, his sermons were popular in various parts of Europe, his status as the first papal vicar in Gaul could become an argument in foreign policy for Frankish kings and the papacy. For the first time in the West, Caesarius developed a Rule specifically for the ascetic community of women («The Rule for Virgins») and may have laid the foundations of the normative tradition of medieval female monasticism. However, the potential opportunities were never realized, and the cult of Caesarius remained local. Among the reasons are the following: the inconsistency of the bishop with the hagiographic model that prevailed in late Antiquity, the unacceptability for the Merovingians of his position in relation to the Arian kings, the burial of the saint away from the tombs of the martyrs, the peripheral status of Provence in the vast Frankish state. At the turn of the 20th-21st centuries, an unexpected surge of interest in the bishop's relics was caused by the restoration of his funeral vestments. The natural science methods used in the study of sacred objects made it possible to make

important observations in the field of material culture. Several museum exhibitions outlined the range of objects associated with the name of the bishop, archival work made it possible to clarify its history. These events have become a kind of «appropriation of relics» by Caesarius of Arles by means of the age of high technology. As a result, the bishop is now perhaps a more famous person than during the 1500 years that have passed since his death.

Keywords: Caesarius of Arles, relics, reliquaries, Southern Gaul, late Antiquity, cult of saints, natural science methods.

S. Yu. Shokarev

**«HIS DONATIONS ARE ICONS, BOOKS, AND MONEY...
AND EVERYTHING CANNOT BE ENUMERATED»:
THE VOLUME AND DYNAMICS OF IVAN THE TERRIBLE'S
MONETARY DONATIONS TO MONASTERIES**

The article is devoted to the analysis of Ivan the Terrible's donations to monasteries. The paper undertakes an assessment of the volume of donations to 10 monasteries in order to establish the dynamics and peculiarities of the tsar's patronage activities. It is revealed that Ivan the Terrible gave very large amounts of donations to the Trinity-Sergiev, Kirillo-Belozersky and Joseph-Volokolamsky monasteries (tens of thousands of rubles each), but donated less to other monasteries. The amounts of donations show that Ivan the Terrible adhered to a certain hierarchy of monasteries and gave different amounts of donations for the commemoration of divers members of his family. The number and volume of donations increased throughout Ivan the Terrible's reign, but the death of Tsarevich Ivan Ivanovich caused a rapid growth of donations for the soul of the heir to the throne himself and for the souls of the disgraced executed by Ivan the Terrible.

Keywords: Ivan the Terrible, History of the Russian Orthodox Church, monasteries, donations, church charity, Tsarevich Ivan Ivanovich, Trinity - Sergiev Monastery, Kirillo - Belozersky Monastery, Joseph - Volokolamsky Monastery, Solovetsky Monastery.

A.G. Melnik

A TOMB OF A SAINT IN THE SPACE OF A RUSSIAN TEMPLE OF THE 17TH CENTURY

The article is devoted to a comprehensive analysis of 49 tombstone complexes of Russian saints based on inventories of churches and monasteries, as well as certain scribe books. The main purpose is to reveal the main traditions or objective laws in the formation of these complexes, including the choice of their location in the space of a temple of the 17th century.

Keywords: burial place, relics, tombstone complex, temple, 17th century

A.G. Evstratov

LIFE OF SHI'I PILGRIMS IN NAJAF AND KARBALA IN THE 19TH CENTURY

The only pilgrimage as a «pillar of Islam» prescribed for every Muslim is the Hajj to Mecca and Medina, but adherents of this religion make «pious journeys» to other places. Sunni Muslims recognize holy cities that contain desirable sites to visit (for example, Jerusalem, considered the «third holy city», and the Al-Aqsa Mosque located there), however, these pilgrimages are not obligatory, but recommendatory. Shiite pilgrimages to the land of Iraq — primarily to Najaf and Karbala, on the contrary, have a status very close to mandatory. The first and third Shiite Imams, Ali and Hussein, are buried in these cities, respectively, in Najaf from the 18th-19th centuries. The main center of Shiite scholarship has been formed, and therefore the views and thoughts of millions of Shiite believers are directed here. At the same time, the Shiite pilgrimage, like the Hajj, is not only a purely religious action, but also a social one. People who visit holy places receive the nicknames «Karbelaï», «Najafi» (as well as «Mashhadi» — after visiting another center of pilgrimage - the Iranian Mashhad) and enjoy special respect from their coreligionists. In this study, we will look at the life of

pilgrims to the Shiite shrines of Iraq (the territory of which was called «Turkish Arabia», or «atabat») in the 19th century, because it was at that time that the traditional realities of the Muslim world in general and its Shiite part began to change rapidly. These changes are associated with a unique political situation (on the one hand, the presence of Shiite shrines on the territory of the Sunni Ottoman Empire, and on the other, the orientation of the local Shiite population towards Iran ruled by the Qajar dynasty, both states having a semi-colonial status), and with the rapid development of science and technology, and with a very peculiar ideological situation. Both Iran and the Ottoman Empire underwent secular reforms in the 19th century, and many significant Shia communities lived in territories belonging to the non-Muslim states of Russia and Great Britain.

Keywords: shia, islam, ziarat, Ashura, Kerbela, Najaf, Imam Ali, Imam Husain

M.R. Maizuls

ANTICHRIST IN BETHLEHEM? FROM VAN DER VEIDEN TO BOSCH

In the altarpieces created in the Netherlands in second half of the 15th and in the beginning of the 16th centuries, the *Adoration of the Magi* often served as the main subject. However, in Hieronymus Bosch's triptych, which is kept in the Prado Museum, it includes many iconographic "anomalies". They arouse the suspicion that there is a "double bottom" hidden in this image. The main clue to its interpretation is the appearance of an ominous character in a red cloak standing at the door of the manger. There are many versions of who this is. The most convincing of them postulates that Bosch introduced into the scene of the Epiphany the figure of the Jewish Messiah — Antichrist himself. He is not to be found in any of the earlier depictions of the *Adoration*. Nevertheless, we can trace the visual genealogy of this character. This article shows that the group consisting of the Antichrist and of his companions is derived from the group of men standing in the stable doorway in Rogier van der Weyden's *Triptych of St. Columba*. Bosch introduces the antagonist of the Savior into the joyous scene of the Epiphany and creates one of the most powerful and ominous images of

enmity surrounding Jesus. This visual interpretation was unusual, but not unique at the time. In late medieval depictions of the birth and infancy of Christ, we find a certain number of characters that incarnated (Jewish) unbelief. The author analyzes how Bosch constructs his characters and introduces into the image a series of ambivalent details that relate them to each other but make unambiguous identification problematic if impossible.

Keywords: Hieronymus Bosch, Rogier van der Weyden, Adoration of magi, iconography, eschatology, Antichrist, Church and Synagogue, enmity, color symbolism, visual ambiguity.

A.V. Keller

THE TABLE OF NATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL STEREOTYPES ABOUT RUSSIANS AND GERMANS OF THE 17th — 19th CENTURIES

The article considers the regional identification of Russia in the European family of peoples with reference to The Table of Nations in the context of the mutual perception of Russians and Germans over a long time. The study is based on the theoretical principles of cognitive history, historical anthropology, and imagology. The methodology of the comparative approach involves internal and external perspectives, as well as two types of stereotypes: as a rule, more positive auto-stereotypes, or self-images, and hetero-stereotypes, or external images. The Styrian Table of Nations (Styrian Völkertafel) published in the Appendix is an exception in this case, since in addition to positive characteristics, the self-description of German-speaking authors contains negative characteristics. The Styrian Völkertafel as a historical source of "grassroots" culture found at the level of the Russian popular print makes it possible analyze ideas and stereotypes about the northern neighbor in two aspects, i.e. visual, with the possibility of turning the visual into the verbal, and textual. The article contains the first ever published translation of the Styrian Völkertafel into Russian.

Keywords: Styrian Table of Nations (Steirische Völkertafel), engraving of Friedrich Leopold, Russians, Germans, Europeans, cultural stereotypes, national images.

P.S. Bychkov

**BODY POLITIC, MICROCOSMOS AND ZODIAC MAN:
BODY METAPHORS IN ENGLISH AND FRENCH
RELIGIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL
DISCOURSE OF 14TH — 15TH CC**

One of the most popular concepts during the Antiquity and Middle Ages was the metaphor of the body which manifested the ideas of unity and coexistence in harmony of various parts of the whole. It was closely tied up with the mythological imagery of protoplast on one hand and with the conceptualization of social unity on the other, for example, with the concept of Church as the mystical body of Christ. Microcosm was one of the embodiments of this image representing the idea of the indissoluble existence of the individual, his body and the rest of the world — this concept continued to be reproduced in the religious/philosophical texts of 14th — 15th cc. From this doctrine of microcosm also arose the Medieval medical theory of humors, fluids of human body, associated with four elements, at the meantime »zodiac man» was the equivalent of microcosm in Medieval astrology, visual representation of a belief in the impact of celestial bodies on the health and mental qualities of people. Finally, the metaphor of the body politic clearly demonstrated the unity of different estates in a single body of the state, it can be considered one of the first forms of reflection on society and politics in the 14th — 15th centuries.

Keywords: body politic, microcosm, zodiac man, astrology, humors, Jean Gerson, Nicolas Oresme, Philippe de Mézières, Christine de Pizan

L.A. Pimenova

**«ART OF THE WORD»: PROTESTANTS IN THE
OFFICIAL DISCOURSE OF THE FRENCH MONARCHY
OF THE 17TH-18TH CENTURIES**

The article investigates how during the period from the end of the Wars of Religion to the Revolution of the 18th century in France the

official terminology used to name the Calvinist minority was appeared and changed. Behind the choice of the word was the image that the authorities impressed upon their subjects. As sources, were used royal edicts and declarations, ministerial papers, documents of the Parlement of Paris and of the clergy assembly, as well as treatises, dictionaries and encyclopedias of the 17th-18th centuries. For many years, the official designation of the French Calvinists in all legislative acts was the cumbersome expression «adherents of the so-called reformed religion» which implied a resolute denial of the name of «reformed religion» used by the Calvinists themselves. With the publication of the Edict of Fontainebleau (1685) by Louis XIV, the term «new converts» began to be used to name the Calvinists, indicating that now all the subjects of the king had converted to Catholicism. The term «Huguenots» in the 18th century ceased to be used while speaking about contemporary realities. The evolution of religious policy of the government was accompanied by a change in official terminology. In the second half of the 18th century, when the question of the need to grant civil rights to Calvinists was discussed, in administrative correspondence between the king, ministers and magistrates of the Parlement of Paris, they constantly called adherents of other religions by their proper names and talked about Protestants and Calvinists. But in the text of the royal edict they were called «those who do not profess the Catholic religion». The terms «Protestant» and «Calvinist» were avoided by the authors of official documents, thereby emphasizing that there was only one recognized religion in the kingdom.

Keywords: 18th century, dictionaries, discourse, legislative acts, public space, Reformation

N.A. Boldyreva

**REFLECTION OF THE ANTIQUARIAN METHOD OF
«OLD CURIOS PERSON» WILLIAM CAMDEN IN THE
CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF
«BRITAINNIA»**

The article analyses the interpretation of particularities of the antiquarian method that was very popular among the European researchers of the 16th century in the Church Slavonic translation of W. Camden's

"Britannia". Created by the English antiquary this treatise was included in the fourth volume of the most famous world geographical atlas - the "New Atlas" of Blaeu. This volume was translated very accurately into Church Slavonic by Isaiah, the Little Russian scribe of the Chudov Monastery in the 1650s-1661 upon the orders of Patriarch Nikon.

The examples of archaeology, numismatics and epigraphies were examined. These auxiliary disciplines were just beginning to form in Europe in the late 16th - early 17th centuries. For the Russian state of the same period, it is not necessary to talk about a similar level of development of these areas of historical thought, so Isaiah acted as a pioneer, interpreting, for example, information about ancient coins, archaeological finds, that is, artefacts.

Keywords: antiquarian method, artifacts, numismatics, epigraphies, Camden, «Britannia», atlas, Blaeu, interpretation, Isaiah, «Vri-tannia»

K.A. Levinson

«HOW LIVED, WHOM LOVED, WHOM DIDN'T SHAKE A HAND WITH»: ON THE QUESTION OF ETHICAL ASSESSMENTS OF STUDENTS' BEHAVIOR ON THE FACULTY OF HISTORY OF THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE EARLY 1940ES

In the article on the material of memoirs of graduates of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University the specific ethos characteristic of this subculture in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s is considered. The author describes this ethos as complex, including academic ethos, political (or civil) ethos, and ethos of interpersonal relations. The analysis of sources shows that often these three elements were not separated in students'ethical perceptions and discourse. This syncretism of ethos brings them closer to the pre-revolutionary liberal Russian intelligentsia, although the political orientation of these two groups was different.

Keywords: university history, history faculty, Moscow State University, university ethos, history of Soviet academia.

A. B. Gerstein

**THE CHAPTER «HOLY LAND» IN THE *ATLAS, OR
COSMOGRAPHIC MEDITATIONS UPON THE
STRUCTURE OF THE UNIVERSE AND THE FORM OF
THE CREATED* BY G. MERCATOR — J. HONDIUS**

The article reconstructs some of the scientific methods used by early modern geographers in composing so-called «Theatres of the World», that is descriptions of the different regions and countries of the world supplemented with maps. How these texts were composed? What sources were considered as texts of authority? Could the historical context influence the content, choice of words and names, characteristics of peoples and kings? The author seeks answers to these questions in the chapter «Holy Land» of the *Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created* by G. Mercator — J. Hondius. This paper is the first publication of the translation into Russian the chapter «Holy Land».

Keywords: *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*, G. Mercator, J. Hondius, cartography, description of the world, Holy Land.

O. V. Okuneva

**«FLORILEGIUM SCIENTIARUM» AND THE STUDY OF
HISTORICAL HERBARIUM**

(*Rev.*: The Herbarium of Robert Erskine, Archiater and Physician-in-Chief to Peter the Great / edited by A.K. Sytin and D.D. Slastunov. SPb, Lubavich, 2022, 375 p.)

The book under review is the first critical edition of the *Herbarium* belonged to Robert Areskin, a fellow-fighter of Peter the Great, his Physician-in-Chief and President of the Apothecary's Garden in Moscow. The Herbarium was created in 1709 and composed of plant species from the vicinity of Moscow. This is Russia's first botanical collection of western type. The present critical edition is a part of

the huge research project «From the Kunstkamera to Herbal Science. The Development of Botany in Russia in the First Half of the 18th Century» conducted by Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences with the financial support of Russian Foundation for Basic Research. It demonstrates how productive the joint effort of botanists, historians, historians of science, librarians, archivists and museum custodians can be. The contribution of web designers, database developers and specialists in digital image processing neither can be underestimated. The review emphasizes the success of this interdisciplinary team and congratulates the editors on the way they revealed Herbarium's scientific, historical and cultural value.

Keywords: Robert Areskine (Erskine), Herbarium, Kunstkamera, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences

N.A. Ganina

IN MEMORIAM NIGEL F. PALMER

The article is dedicated to the memory of Nigel F. Palmer, a regular contributor to 'Odysseus', an outstanding scholar, Emeritus Professor of German Medieval and Linguistic Studies, Emeritus Fellow of St Edmund Hall (University of Oxford), FBA (1946 — 2022).

Keywords: history of the German language and literature, Medieval German, medieval manuscripts of German-speaking countries, history of book

S.A. Yatsyk

IN MEMORIAM E. LE ROY LADURIE

This article covers the life and academic contributions of Emmanuel Le Roy Ladurie, a prominent French historian known for his association with the Annales school and his role in pioneering micro-history. The author traces Ladurie's biography, starting with his early

years in Normandy and his youthful political engagement, and concludes with his achievements in the academic field. Particular focus is given to Ladurie's significant contributions in introducing quantitative methods to historical research. The article underscores Ladurie's versatility as a scholar who engaged with various historical aspects, from personal life of occitan peasants to global climate change. Furthermore, it explores his involvement in digital humanities and the application of computational technologies in historical scholarship and librarianship.

Keywords: Emmanuel Le Roy Ladurie, In Memoriam

**Одиссей.
Человек в истории**

**ИСТОРИЯ НАУКИ
2023 №2 (31)**

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Художник
Б.А. Котляр

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем — 29.31 усл. печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод — 130 экз.)
Зак. № 345

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А